

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздилась. Одна нога действительно доставала самым носком до края седла, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макаронинной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам. На педалях не жму — не достаю, а только еду, наблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, сцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали невозможно колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

— Останови машину, Мишка!

Я много чего люблю.

ЧТО Я ЛЮБЛЮ...

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и пот так висеть на колене, как белье на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром заметить к пале в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за неё сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор; всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Широты я тоже очень люблю.

Я сказал:

— Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

Я говорю:

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравни Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя допнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По шторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну, была не была! Знай мою доброту!

На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

— Ты открой её, — сказал Мишка, — тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка, — сказал я шёпотом, — что это такое?

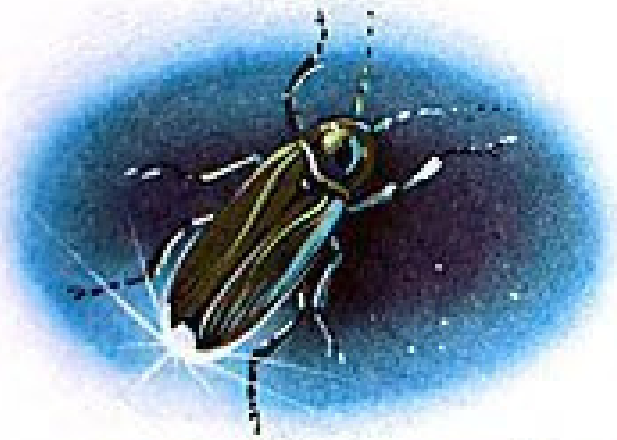
— Это светлячок, — сказал Мишка. — Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка, — сказал я, — бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, навсегда! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму.

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог отгадаться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он, хоть и близко, на ладони, а светит словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как быстро стучит моё сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

«ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с булками и брызгой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака — они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

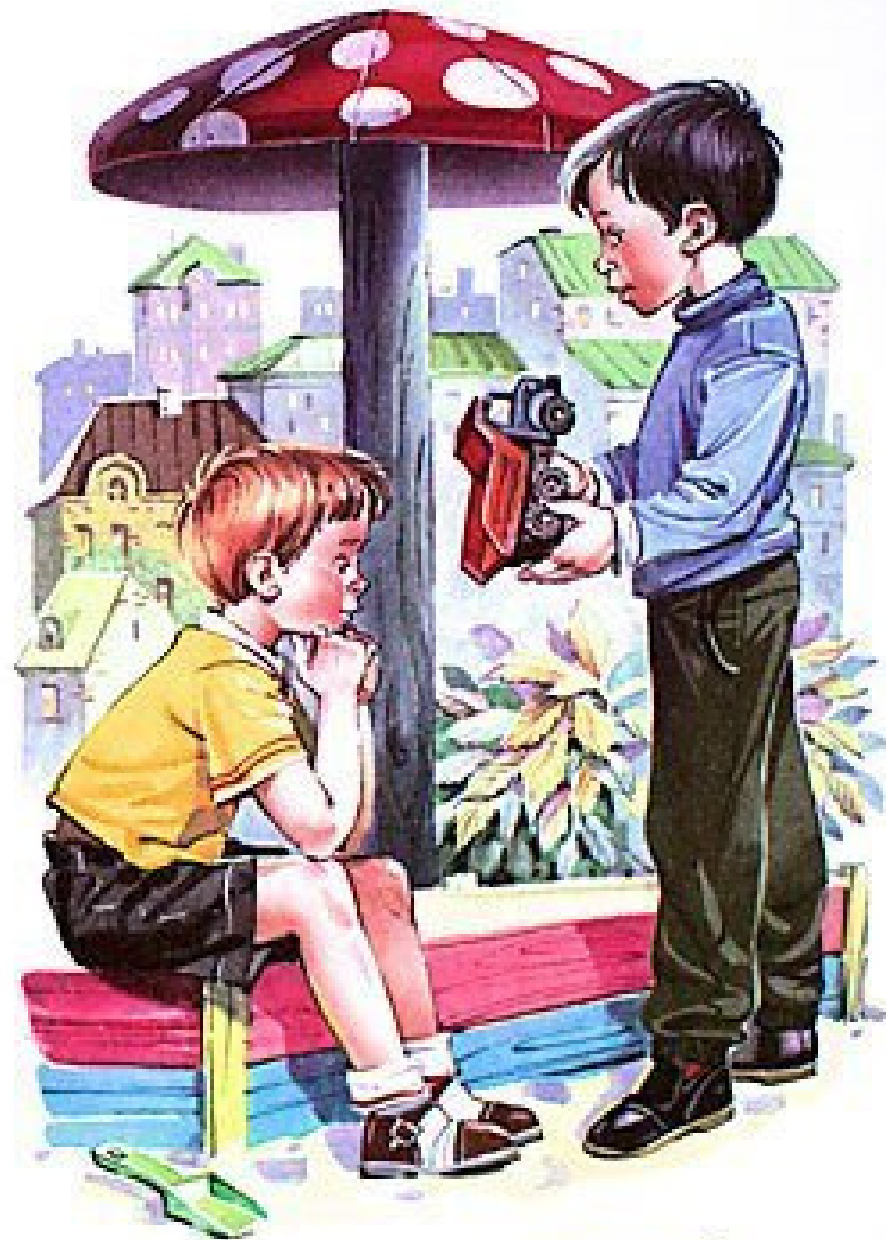
— Здорово!

И я сказал:

— Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки саносвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да! А! Ого! Дашь мне его домой?

И в это время во двор вышел Мишка.

Костик спросил:

— А разве бывают хорошие болезни?

— Ого, — сказал я, — сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне всё тело, каждую болячку отдельно зелёнкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?

— Конечно, хорошо, — сказал Костик.

Алёнка посмотрела на меня и сказала:

— Когда лишай, тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся:

— Сказала тоже — «красивая»! Намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишай — это мелочь. Я лучше всего оболю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Сколько хочешь, просто не верится. Один раз я, больной, целую банку съел. Мама даже удивилась: «Смотрите, — говорит, — у мальчика грипп, температура тридцать восемь, а та же аппетит». А бабушка сказала: «Грипп разный бывает, это него такая новая форма, дайте ему ещё, это у него организм жует». И мне дали ещё, но я больше не смог есть, такая жажда... Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подёрся кулаком и задумался, а я сказал:

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что, когда гланды вырезают, морозного дают потом, для заморозки. Это почище твоего пареня!

Алёнка сказала:

— А гланды от чего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вдохнул и сказал:

— Насморк — болезнь ерундовая. Капают чего-то в нос, ещё хуже течёт.

...из второго парадного вышел Костик.
Он был такой худой, прямо невозможно узнать.

— Как не стыдно! — Миманционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клеветайте, — завальчиво крикнула мама, — ничего я не выливаю!

— Ах, не выливаете, — язвительно рассмеялся миманционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйста сюда!

И вот к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянула, так сразу поняла, что в Кремль я не войду.

На голове у этого дяденьки была шапка. А на шапке наша каша. Она лежала почти в середине шапки, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротничком, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал мекать.

— Главное, я еду фотографироваться... мме... и вдруг такая история... каша... мме... манная... Горючая, между прочим, сквозь шапку и то... мме... жжёт... Как же я покажу своё... мме... фото, когда я весь в каше?!

...А дверь открылась, и в комнату вошёл миманционер.

Он его приделал к бочке, чтобы закипать туда горячее. Получилось очень складно. Мы с Мишкой сделали внутреннее устройство и два окошечка по бокам: это были намониторы для наблюдения. Андрюшка притащил довольно здоровый ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку. Я сначала не понял, что это такое, и спросил Андрюшку:

— Это зачем?

А он сказал:

— Как — зачем? Это вторая ступень!

Мишка сказал:

— Молодец!

И у нас работа закипела вовсю. Мы достали разных красок, и несколько кусочков жести, и гвоздей, и верёвочек, и протянули эти верёвочки вдоль ракеты, и жестишки прибили к хвос-

товому оперению, и подкрасили длинные полосы по всему бочкинному боку, и много ещё чего понаделали, всего не перескажешь. И когда мы увидели, что всё у нас готово, Мишка вдруг отвернул краник у самовара, который был у нас баком для горячего. Мишка отвернул краник, но оттуда ничего не потекло. Мишка ужасно разгорячился, он потрогал пальцем снизу сухой краник, повернулся к Андрюшке, который считался у нас главным инженером, и заорал:

— Вы что? Что вы наделали?

Андрюшка сказал:

— А что?

сейчас во весь голос крикнуть: «Бух, тарра-рах!» — как будто это взрыв, чтобы играть дальше. И я уже набрал воздуха и хотел крикнуть погромче, но в это время в трубе что-то ка-ак свистнет да ка-ак д-даст! И труба отлетела от второй ступени и стала подметать и падать, и дым!.. А потом как бабахнет! Ого! Это, наверно, шутики там сработали, не знаю, или Мишкин порошок! Бах! Бах! Бах! Я, наверно, от этого баханья немножко струсил, потому что я увидел перед собою дверь, и решил в неё убежать, и открыл, и вошел в эту дверь, но это оказалась не дверь, а окно, и я прямо как вбежал в него, так оступился и упал прямо в наше домоуправление. Там за столом сидела Зинаида Ивановна, и она на машинке считала, кому сколько за квартиру платить. А когда она меня увидела, она, наверно, не сразу меня узнала, потому что я запачканный был, прямо из грязной бочки, лохматый и даже кое-где порванный. Она просто обомлела, когда я упал к ней из окна, и она стала обеими руками от меня отмахиваться. Она кричала:

— Что это? Кто это?

...труба отлетела от второй ступени и стала подметать...

Алёнка за голову скривилась:

— Ой, зачем, держи!..

И стала подпрыгивать, как будто могла дотянуться до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

— Зачем ты его упустила?..

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх, на шарик. Он летел вверх плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, здрав голову, и смотрел, и Алёнка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы — посмотреть, как летит шарик, а он всё летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большого дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он ещё выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он заметел за облачко, оно было пушистое и маленькое, как крошечник, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был в стратосфере, около Луны, а мы всё смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Алёнка вздохнула еле слышно, и все пошел по своим делам.

И мы тоже пошел, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядное и весёлое, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое синее-синее небо улетает от нас красный шарик... И ещё я думал, как жалею, что я не могу это всё рассказать Алёнке. Я не сумею словами, и, если бы сумел, всё равно Алёнке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идет рядом со мной, вся такая притихшая, и слёзы ещё не совсем просохли у неё на щеках. Ей небось жаль своего шарика.

И мы шли так с Алёнкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Алёнка сказала:

— Если бы у меня были деньги, я бы купила ещё один шарик... чтоб ты его выпустил.

И мы долго бегали в толпе между взрослыми и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Алёнку под мышку, а его товарищ нажал кнопочку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколоном, и, когда Алёнку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

— Ну что за красотулька, сил моих нет!

Но Алёнка от них убежала, а я — за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были завтрачные деньги, и мы поэтому с Алёнкой выпили по две большие кружки, и у Алёнки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня всё время шибало в нос и кололо в носу иголочками. Шикарно, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и побежали на улицу. Там было ещё веселее, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарики.

Алёнка, как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

— Ой! Я хочу шарика!

А я сказал:

— Хорошо бы, да денег нету.

А Алёнка:

— У меня есть одна денежка.

Я говорю:

— Покажи!

Она достала из кармана.

Я сказал:

— Ого! Десять копеек! Тетенька, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

— Вам какой? Красный, синий, голубой?

Алёнка взяла красный. И мы пошли.

И вдруг Алёнка говорит:

— Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку.

Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик тоненько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это правда, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

